

— Бери что хочешь, я собираюсь в душ, оставайся в гостиной.

Се Цзыцзин указал на укулеле, стоявшую в углу книжного шкафа.

Её подарил Цзян Сяочуань, когда Цинь Гэ переехал. К сожалению, он умел играть только первые четыре аккорда из песни «Те цветы». Хотя это было коротко, но Цинь Гэ знал только их, и, играя, он легко впадал в эмоции, что могло утомить слушателей.

— Можно, — сразу ответил Цинь Гэ.

После душа отношение Цинь Гэ к Се Цзыцзину немного изменилось.

Тот оставил ванную в идеальной чистоте: ни капли воды на полу или стенах, и даже зеркало было без единой капли.

Цинь Гэ решил похвалить его, ведь он был его гостем, но, выйдя в гостиную, он вдруг увидел, что тот стоит на балконе и играет на укулеле.

Было уже за девять вечера, и Цинь Гэ поспешил на балкон, приглушив голос:

— Вернись, не шуми.

Се Цзыцзин сыграл ещё несколько аккордов, после чего с удовлетворением убрал укулеле.

— Понравилось? — спросил он.

— Понравилось, понравилось, — ответил Цинь Гэ, невнимательно.

— Это любовная песня, которую я выучил в горах, — улыбнулся Се Цзыцзин.

Цинь Гэ понял, что тот шутит, используя его имя, и решил не говорить те две фразы, которые он с трудом придумал для похвалы.

Пожелав друг другу спокойной ночи, Цинь Гэ запер свою спальню.

Се Цзыцзин посидел на диване некоторое время, затем укрылся одеялом и достал из рюкзака книгу.

Ему всегда было трудно заснуть ночью, и сегодня не стало исключением.

Прочитав половину книги, он почувствовал, что в доме появилось какое-то движение, и медленно поднялся с дивана.

Из спальни Цинь Гэ начал распространяться мягкий аромат.

Се Цзыцзин знал, что Цинь Гэ уже заснул. Духовная сущность Цинь Гэ заполнила пространство, как никогда раньше. Она, словно тёплый воздух, окутала его с головы до ног, успокоила его тревогу, но в то же время вызвала новую.

Молочный туман проник сквозь стены и стекло, осев на балконе и сгустившись в маленький круглый комочек. Два ушка поднялись из густой белой шерсти, затем опустились по бокам, а пушистый хвостик ритмично покачивался.

Се Цзыцзин резко выпрямился.

Это была духовная сущность Цинь Гэ — ангорский кролик размером с ладонь.

Он грелся под лунным светом.

Се Цзыцзин осторожно спустился с дивана.

Он никогда не видел настолько маленького кролика-духовную сущность, который выглядел как пушистый комочек, помещающийся на ладони.

Духовные сущности очень чувствительны, и, как только он приоткрыл дверь на балкон, кролик тут же повернул голову, его круглые глаза смотрели на него.

Се Цзыцзин не смог сдержать смешка: шерсть кролика была настолько густой и длинной, что почти закрывала его мордочку, оставляя видимыми только глаза и нос, словно он замаскировался под маленькую белую обезьянку.

— Тсс... — Се Цзыцзин поднял палец. — Я хороший.

Через стекло кролик начал отступать. Его лапки, хвост и ушки дрожали, а густая белая шерсть слегка шевелилась.

Се Цзыцзин подумал, не написано ли у него на лице что-то вроде «убийца кроликов».

Он не ожидал, что этот кролик не только маленький, но и настолько пугливый.

Кролик отступил к краю балкона и, поняв, что отступать больше некуда, залился слезами.

Се Цзыцзин...

Шерсть и уши кролика начали меняться, а из его тела поднялся белый туман. Увидев, что он собирается вернуться к Цинь Гэ, Се Цзыцзин быстро схватил укулеле, стоявшую рядом с диваном, и сыграл несколько аккордов.

— Я хороший, малыш, — он играл очень тихо, почти шёпотом. — Если ты не будешь бояться, я спою тебе.

Звук струн был знакомым, и кролик, фыркнув, уставился на инструмент.

Се Цзыцзин, держа гриф одной рукой и прижав струны, другой рукой начал тихо перебирать их:

— Тсс, тсс, тсс...

Он не мог придумать, что спеть, и начал напевать «Кролик, кролик, будь умницей».

Кролик перестал дрожать, но всё ещё был напуган, осторожно спрятав голову в своей густой шерсти, оставив только круглые глаза, которые следили за пальцами Се Цзыцзина.

Холодный ветер, проникавший через щель в двери, начал замораживать Се Цзыцзина. Он был одет слишком легко, а ночной ветер был слишком холодным. Он никогда не думал, что окажется на балконе, присев у раздвижной двери и осторожно играя на укулеле для ангорского кролика.

Но ему так хотелось приблизиться к нему, погладить его шерсть. Он любил всё тёплое, что согревало его грудь, а густая шерсть напоминала пышную траву в конце весны.

Этот маленький пугливый зверёк, он видел, что тот боится его, но в то же время проявляет любопытство.

Духовная сущность отражает глубинные сознания Стражей и Проводников. Се Цзыцзин, улыбаясь кролику, не мог не думать о море сознания Цинь Гэ.

Он боится меня? Он любопытен ко мне?.. Он тоже такой пугливый?

Не желая разбудить Цинь Гэ, Се Цзыцзин перестал играть. Кролик, казалось, был немного разочарован, пошевелил ушами и поднял голову, уставившись на Се Цзыцзина.

Тот протянул руку через щель в двери, поманив кролика.

Когда его рука появилась, кролик снова испугался. Но он не исчез, а вместо этого схватился за свои уши, закрыв ими глаза. Через мгновение он моргнул, выглянув из-под ушей, и украдкой посмотрел на Се Цзыцзина.

Се Цзыцзин...

Он уже начал думать, что станет первым Стражем в городе, который замёрзнет насмерть на балконе в два часа ночи, играя с духовной сущностью, когда кролик наконец отпустил уши и сделал шаг вперёд.

Цинь Гэ, зная, что в его доме находится чужак — Се Цзыцзин, ожидал, что проведёт ночь в напряжении и тревоге.

Но нет.

Не только он не испытывал бессонницы, но и спал прекрасно, и даже видел очень приятный сон.

Во сне кто-то гладил его по голове, тихо говоря что-то. Прикосновения были мягкими, сила — умеренной, каждое движение — нежным. Ощущения, которые он давал, были похожи на сильный ветер, дующий с высокой скалы, который раскачивает человека, но при этом не вызывает дискомфорта.

Цинь Гэ стоял в центре своего моря сознания, на вершине горы, и проснулся у корней дерева. Звук ветра был похож на голос, на тихую музыку, которая вывела его из сна внутри сна. На тёмно-синем небе сияли миллионы звёзд, серебряные дорожки тянулись через небеса; ветер проходил сквозь листья и ветви, через его одежду и кожу, волосы и пальцы, устремляясь к далёкому горизонту.

Его кролик, его пугливый, преданный огонь души, лежал у него на груди, горячий, как пылающее сердце.

Цинь Гэ даже увидел, как звёзды, словно дождь, падали с неба.

Они точно попадали на вершины каждой горы, вызывая вспышки огня.

Каждая вершина горела, огромные факелы освещали его обширное море сознания, а ветер нёс неуклюжие звуки музыки, доносящиеся из пламени.

Проснувшись, Цинь Гэ понял, что всё это был лишь сон. Но он чувствовал себя отлично, и настроение было настолько хорошим, что он даже начал сомневаться. Поднявшись с кровати, он сначала раскрыл ладонь, выпустив свою духовную сущность.

— ... Что ты делал вчера вечером, что так радуешься?

Ангорский кролик прикрыл глаза своими ушами.

Цинь Гэ ещё больше удивился:

— Ты что, смущаешься?

Кролик открыл один глаз и подмигнул ему.

Лицо Цинь Гэ постепенно побелело. Он спрыгнул с кровати, даже не надев тапочки, и выбежал из комнаты.

Се Цзыцзин сидел в гостиной, укутанный одеялом, и играл в компьютерную игру, периодически чихая.

— Се Цзыцзин! Ты трогал моего кролика?

Се Цзыцзин улыбнулся:

— Трогал. Он такой тёплый, как грелка, можно согреть руки. Вчера мы даже смотрели фильм, он, хоть и трусишка, но обожает зомби.

Цинь Гэ отступил на шаг, опёршись на раздвижную дверь.

Се Цзыцзин только теперь заметил его странное выражение лица:

— Твоего кролика нельзя трогать?

— ... Нельзя, — вздохнул Цинь Гэ, потирая лоб. — Если его тронуть, он привяжется к тебе.

Се Цзыцзин посмотрел на него несколько секунд, а затем внезапно понял.

— О! Везунчик! — Он погладил подбородок, ухмыльнувшись. — Значит, ты из тех, у кого прикосновение к духовной сущности вызывает сексуальную реакцию.

<http://bllate.org/book/15560/1384464>